

Действующие лица

Джонти Глоссоп — клерк, выдающий жалованье.
Изабель Эшдаун — главная сестра больницы
Маунт-Сигер.
Гертруда Камфот — медицинская сестра.
Отец О'Салливан — местный викарий.
Сара Уорн — водитель больничного автобуса.
Сидни Браун — внук старого мистера Брауна.
Розамунда Фаркуарсон — служащая регистратуры.
Рядовой Боб Поусетт — выздоравливающий.
Капрал Катберт Брейлинг — выздоравливающий.
Рядовой Морис Сандерс — выздоравливающий.
Доктор Люк Хьюз — лечащий врач в больнице
Маунт-Сигер.
Родерик Аллейн — старший детективный инспек-
тор Скотленд-Ярда.
Старый мистер Браун — умирающий.
Уилл Келли — ночной вахтер.
Бикс — сержант Новозеландской армии.
Дункан Блейки — местный фермер.
Пациенты — выздоравливающие военные и гра-
жданские.
Ночные сиделки и санитары.

Глава 1

Стоял безмятежно тихий вечер середины лета. Около восьми часов мистер Глоссоп позвонил из транспортного отдела больницы Маунт-Сигер в головное отделение своего банка, расположенное в двадцати милях. Он раздраженно тыкал толстым указательным пальцем в наборный диск, и ответное слабое дребезжание старого аппарата послужило предвестником череды событий, которым предстояло произойти этой летней ночью, за короткий промежуток времени между закатом и рассветом. Если воспринимать эти события как импровизированную пьесу, то явление мистера Глоссопа вполне можно считать увертюрой.

Госпиталь уже почти приготовился отойти ко сну — звуки повседневной суеты стали более приглушенными, в открытых окнах зажегся свет. Со двора, разделяющего палаты и кабинеты, было видно фигуры дежурных ночных медсестер, тихо скользящих по своим делам. К шелканью телефонного диска примешивались отдаленные спокойные голоса, от новых армейских построек в конце двора изредка долетала музыка — там работал радиоприемник.

Окно регистратуры располагалось напротив второй и третьей палат, теперь переименованных во вторую гражданскую и третью гражданскую, поскольку военные заграбастали себе палаты с четвертой по шестую и объявили их военными — первой, второй и третьей. Те, кто лежал в третьей военной, находились в очень тяжелом состоянии. В первой — выздоравливающие и пребывающие на карантине мучились от невыносимой скуки. В каждой палате имелось крыльцо с навесом и короткая веранда в задней части, соединяющая ее с соседней палатой. Вдоль каждой веранды рос плотный барьер из переплетенных розовых кустов. Новозеландские сумерки, обычно короткие, еще не совсем сгустились, но пьянящий розовый аромат уже достиг вечернего апогея.

В целом обстановка выглядела весьма романтической. Мистер Глоссоп, впрочем, не ощущал никакого очарования. Он говорил по телефону сердито и с тревогой, в его голосе слышались даже нотки негодования.

— Это Глоссоп! — объявил он в трубку. — Да, я все еще в Маунт-Сигер! Я уже сто раз говорил, что пора бы что-то сделать с этим фургоном!

Трубка что-то старательно пропищала в ответ. Искаженный голос доносился из маленького городка, лежащего в двадцати милях отсюда.

— Да понимаю я, понимаю! — недовольно фыркнул мистер Глоссоп. — И моему желудку пришлось с этим смириться. Бог знает, сколько мне еще сидеть здесь с кассой, и мне это не нравится. Я говорю — мне это не по нраву! Хорошо, идите и скажите

ему. Передайте всему чертову правлению! Я хочу знать, что мне делать.

По асфальту во дворе простучали каблуки — твердо и уверенно. Через секунду скрипнуло старое крыльцо, и на пороге появилась невысокая плотная дама в белом халате, с чепцом на голове и алой накидкой на плечах. Мистер Глоссоп беспокоило задержал коленом и тут же сменил тон. Он озабоченно улыбнулся вошедшей и с фальшивой сердечностью продолжил в трубку:

— Да, конечно. И все же мы не должны жаловаться. Э-э... главная сестра предлагает такой вариант — меня отбуксируют обратно утренним автобусом. Местный водитель. Нет-нет! — Мистер Глоссоп сглотнул. — Это женщина.

Трубка в ответ пищала довольно долго.

— Что ж, будем надеяться! — сказал мистер Глоссоп с нервным смешком.

— Вам совершенно не о чем беспокоиться, мистер Глоссоп! — заверила дама в дверях. — Мисс Уорн — опытный водитель.

Мистер Глоссоп кивнул и криво усмехнулся.

— Она хороший водитель, — повторил он в трубку. — Главная сестра говорит — опытный.

— А что там с кассой? — прозвенел в трубке металлический голос.

Мистер Глоссоп заговорил тише.

— Здесь я все выплатил. — Но больше нигде. К этому часу я уже планировал все закончить. Придется стеречь всю ночь.

— Скажите ему, — спокойно сообщила главная сестра, — что я запрю деньги в своем сейфе. — Она

вошла в кабинет и уселась за один из двух письменных столов — коренастая женщина с внимательным взглядом и сочувственно поджатыми губами.

Мистер Глоссоп торопливо закончил разговор, повесил трубку и поднялся с места. Он неуклюже топтался напротив главной сестры, нависая над столом. Утерев ладонью пот со лба, он взглянул на руку и вытащил носовой платок.

— Жарко сегодня, — заметил он.

— Да, очень, — согласилась главная сестра. — Сестра!

— Да, мэм? — Маленькая фигурка в голубой униформе и белой шапочке поднялась из-за второго стола, где честно старалась не подслушивать телефонный разговор мистера Глоссопа.

— Мисс Фаркуарсон еще не вернулась?

— Нет, мэм.

— Тогда, боюсь, вам придется остаться на дежурстве, пока не появится она или мисс Уорн. Мне придется побеседовать с мисс Фаркуарсон, когда она придет.

— Да, мэм, — ответила миниатюрная медсестра очень тихим голосом.

— Меня очень раздражает ее поведение. А вас я прошу позвонить внуку мистера Брауна — мистеру Сидни Брауну. Номер вон там, на столе. Мистер Браун опять спрашивал о нем. Он мог бы выехать ближайшим автобусом, но будет быстрее, если он воспользуется своей машиной. А возможно, и безопаснее: судя по всем признакам, еще до ночи разыграется буря. Дайте ему понять как можно яснее — что его дедушка очень настойчиво хочет с ним уви-

деться и что время не на его стороне. Собственно, я думаю, что молодому мистеру Брауну следовало навестить деда намного раньше.

— Да, мэм.

— Кто-то из пациентов совсем плох? — спросил мистер Глоссоп, изобразив сострадательную гримасу.

— Отходит. Надо сказать, этот джентльмен при смерти уже несколько недель, но раз от разу приходит в себя. Однако бесконечно так продолжаться не может, а для старика очень важно увидеть внука, — твердо заявила главная сестра. Затем вновь повернулась к медсестре и добавила: — Отец О'Салливан хочет посидеть со старым мистером Брауном, когда закончит объезжать на велосипеде местных прихожан. Скажите ему, чтобы он нашел меня, когда появится, хорошо? Он договорился об этом посещении еще несколько дней назад, но я сперва хотела бы сообщить ему о состоянии старого джентльмена. Идемте со мной, мистер Глоссоп, нам лучше поскорее запереть ваши деньги. Там много?

— Да почти нетронутая сумма, — ответил тот, поднимая с пола большой блестящий кейс. — Сейчас ему уже следовало бы опустеть, как вы понимаете. После вас мне нужно было выдать зарплату еще в четырех местах. А теперь здесь...

— Вас беспокоят из больницы Маунт-Сигер, — произнесла в трубку маленькая сестричка. — У меня сообщение для мистера Сидни Брауна, вы не могли бы ему передать?

— ...Около тысячи фунтов! — закончил мистер Глоссоп, прикрыв рот ладонью.

— Боже правый! Конечно, я понимаю, что вы развозите деньги сразу по нескольким предприятиям, но это огромная ответственность! — покачала головой главная медсестра.

— Именно это я всегда пытаюсь вдолбить центральному офису, — ответил мистер Глоссоп, радуясь, что встретил такое понимание.

Они вышли на крыльцо. Голос маленькой сестры продолжал доноситься из кабинета:

— Да, боюсь, что так. Главная медсестра говорит, осталось недолго. Да, он опять спрашивал о вас...

— Здесь недалеко, — сказала главная медсестра.

Мистер Глоссоп последовал за ней по двору, который представлял собой широкую аллею. С одной стороны ее подпирали офисы — каждый со своим опознавательным символом, а с другой — череда палат, расположенных через равные промежутки выгоревшей на солнце травы. Их утилитарный вид компенсировался великолепием розовых кустов — бутоны отважно проникали сквозь изгородь из колючей проволоки перед объединенными верандами. На крыльце каждой палаты горел фонарь — теплый рассеянный свет заливал асфальтовую аллею.

В этот душный вечер обычный привкус горного воздуха почти не ощущался, а слабый запах больничных дезинфицирующих средств показался чувствительному носу Глоссоба невыносимым.

Когда они поравнялись с первой военной палатой, дверь на крыльцо внезапно распахнулась, и через мгновение во двор выскочила грузная дама в форме медсестры. Грубые голоса орала ей вслед:

— И чтобы больше такого не повторялось!

Медсестра осторожно приблизилась к мистеру Глоссопу и главной сестре. Ее лицо оставалось в тени, но очки сверкали отраженным светом. Грудь под униформой вздымалась, бейджик покосился, чепец сбился набекрень. Она сделала два-три коротких шага и остановилась, сцепив руки за спиной.

Хриплые голоса в палате продолжали глумиться, выводя фальцетом, передразнивая:

— «Температура в норме! Пульс в норме! Кишечник работает великолепно! Ну разве нам не повезло?»

— Мэм! — взволнованным шепотом начала родная медсестра. — Можно с вами поговорить?

— Да, сестра Камфот, что случилось?

— Эти мужчины, там, — бесстыдники! Вся эта затея — предоставить выздоравливающим полную свободу...

— Это хорошо проверенный метод, ускоряющий восстановление. Сон и тишина — устаревший способ. Мужчинам гораздо полезней, когда мы даем им темы для размышлений, никак не связанные с их ранением или возвращением на войну. Отвлечение — лучший союзник сиделки. Впрочем, я согласна — они чересчур расшумелись, — кивнула главная сестра. — Простите, мистер Глоссоп, можно мы с сотрудницей поговорим с глазу на глаз?

Мистер Глоссоп отошел в сторону.

— Ну, что там стряслось? — спросила главная медсестра.

— Они бесстыдники, — брюзгливо повторила сестра Камфот. — Со мной никогда в жизни так не обращались! Наглецы!

— Что они учудили?

— «Температура в норме! Пульс в норме! Кишечник работает великолепно! Ну разве нам не повезло?» Просто потому, что я так приговариваю, когда обхожу палату. — Сестра Камфот перевела дыхание. — Они кривляются и превращают все, что я говорю, в непристойности — другого слова и не подберешь. Я рта не могу открыть, чтобы они не начали кричать мне вслед, как попугаи. И еще кое-что: трое из них до сих пор не вернулись.

— Кто именно, сестра?

— Сандерс, Поусетт и Брейлинг, само собой. Они получили разрешение прогуляться до скамейки у главных ворот. — Голос сестры Камфот затих на нервной ноте. Последовало короткое молчание, которое нарушила главная медсестра:

— Мне казалось, я ясно дала понять — все должны быть в постели к семи! Днем развлечения, ночью отдых — вы знаете правила.

— Но я ничего не могу поделать. Они меня не слушаются! — пожаловалась сестра Камфот.

— Они выздоравливают. — Главная медсестра пожала плечами. — И им скучно.

— Но как же мне поддерживать порядок? Почти девяносто солдат, а опытных медсестер не хватает. На санитарок надежды нет, им нельзя доверять. Я знаю, о чем говорю. Я видела, что происходит, — это отвратительно! «Сестричка! Подойди, возьми меня за руку...» Да так жалобно еще стонут! И девочки подходят и делают, что их просят. И не только это... Та девица Фаркуарсон из регистратуры... Тьфу! «Нянечка, нянечка, мне становится хуже. Дай руку!»

— А что же сержант Бикс? — спросила главная медсестра.

— Несколько человек должны выписать в ближайшие выходные, и ему нужно оформить кучу бумаг. В любом случае от него мало толку, мэм: по-моему, он слишком лояльно относится к мужчинам. Это худшие пациенты, которые когда-либо у нас были. Никогда в жизни со мной так не разговаривали!

— «Я доложу о вас главной медсестре!» — пропищал отдельный фальцет. — «И вы считаете себя джентльменами? Ну-ну».

— Вот, слышали? — возмутилась сестра Камфот. — Слышали?

— Слышала, — мрачно кивнула главная медсестра.

Хор возобновился с новой силой. Уперев руки в бока, главная сестра с невозмутимым видом шагнула на крыльцо и дальше — в палату. Хор затих через три секунды. Одиноким голосом прокричал последнюю фразу и замер на ноте крайнего смущения. Мистер Глоссоп, который топтался туда-сюда возле двери в кабинет главной сестры, подошел к сестре Камфот.

— Она их угомонила, — с удивлением произнес он. — Железная женщина! — Не дождавшись ответа, он добавил с лукавым видом: — Удивительно, что она не осчастливила какого-нибудь везунчика...

Резким движением сестра Камфот повернула голову. Свет из кабинета главной медсестры упал ей на лицо. Мистер Глоссоп непроизвольно отступил назад, а затем встряхнулся, словно удивляясь самому себе.